

З.М. Куватов, Е.А. Мусаутова

Восточнославянские мужские и женские имена: возможно ли тождество?

Личные имена – это конкретные обозначения индивидов социокультурного пространства. В языческих культурах они опираются на природную, социальную и духовно-нравственную определённую, представляя собой важнейший атрибут сознания и психологии этноса. В древности имянаречение выступало своеобразной социокультурной технологией, превращавшейся в форму взаимодействия с окружающим миром не только собственника имени, но и того, кто давал это имя.

Нам представляется, что гендерный анализ именного информационного пространства позволяет постичь социальные, психологические, культурные последствия взаимодействия человека в зависимости от его пола, обнаружить ролевые функции мужчин и женщин. Именное информационное пространство представляет собой мир социумов и одновременно предстаёт миром культуры, либо разделённой на мужскую и женскую, либо находящейся в «бесполом» состоянии. Следовательно, анализ процессов имянаречения позволяет выявить своеобразие этнопсихологии, сознания и мышления народов.

Сравнительно недавний выход гендерных исследований в лингвистике за рамки изучения некоторых языковых культур позволил получить новые данные об особенностях концептуализации гендера. На начальном этапе речь шла лишь о том, что язык не только антропоцентричен, но и *андроцентричен*, то есть отражает мужскую перспективу и ориентирован на человека мужского пола. Этот вывод на ранней стадии исследований был подкреплён результатами анализа английского, немецкого и французского языков, согласно которым обнаружилась значительная *гендерная*

асимметрия и неравномерность в языковом обозначении пола.

В дальнейшем в поле зрения учёных попали и другие языки, например, русский, и появилась возможность сравнить манифестацию гендера в нём с её проявлениями в исследованных ранее языках. При этом выяснилось, что хотя и русскому языку присуща ориентация на мужское, она проявляется не столь отчётливо. Например, в вышеозначенных европейских языках (английском, немецком, французском) для обозначения мужчины и человека существует одна и та же номинация (*man, Mann, home*). В русском же такое явление не наблюдается.

Обозначения многих культурно значимых понятий в немецком и английском языках имеют также ориентацию на мужское. Хотя слово «человек» в ряде случаев и в русском языке соотносится только с людьми мужского пола, оно в меньшей степени, чем немецкое «*Mann*» в значении «человек», реферирует именно к полу обозначаемого лица. Мужественность в сфере русских личных имён выражена не столь чётко, как в вышеозначенных языках.

На уровне устной речи имя выступает как простейший элемент языка – *слово*. Оно есть и понятие, и некая ценность. Слово – это языковой знак, который имеет, с одной стороны, план выражения, с другой, – план содержания [6. С. 105-107]. Следовательно, имя как знак имеет ярко выраженную модальность, то есть является модусом отношения к реальности. В нашем случае это модус понимания места и роли полов, оценки Я-мужчины и Я-женщины. Таким образом, мы выходим на уровень аксиологической модальности, отмечая положительные признаки-возможности имени отобразить содержательную сто-

рону реальной действительности и степень выражения данного содержания словом.

Наряду с герменевтическим осмыслением имён, они могут рассматриваться как ценности-понятия, изучение которых сопрягается с персоналистским подходом, но как бы на безличностном уровне, то есть обобщённо. В этой парадигме имена трактуются в контексте событий и настроений эпохи, а также в ракурсе интереса к повседневной жизни людей.

Так личные имена становятся социокультурным обобщением процессов и явлений с учётом «человеческого коэффициента» (термин польского социолога Ф. Званецкого [3. С. 80]). В культурологическом знании такого уровня всякий носитель имени выступает «заурядным» представителем эпохи. Например, мы рассматриваем имя Владимир, отвлекаясь от носителя этого имени крестителя Руси, киевского князя Красно Солнышко. Заметим, что здесь мы далеки от отождествления абстрактного носителя имени с историческим периодом в целом: имя не может быть вульгарной иллюстрацией эпохи.

В.И. Даль особо подчеркивал многозначность трактовки понятия «имя». Он указывает, что данным словом-названием-наименованием означают особь, личность, употребляют в значении ласки, происхождения, знатности и т.д. Далее он пишет, что в язычестве имя давалось по обычаю, а также в разных значениях как характеристика качественных параметров человека: «В лицо человек сам себя не признаёт, а имя своё знает» [2. С. 43].

Попутно отметим однокоренное происхождение существительного «имя» и глагола «иметь». Помимо указания на возможность владения чем-либо, глагол «иметь», будучи вспомогательным, в неопределённом наклонении как бы ориентирован на будущее индивида: иметь лицо, иметь облик, наконец, иметь своё личное имя. При сравнении русской лексики с немецкой языковой

культурой такой коннотации не наблюдается. В немецком языке схожий глагол осмысляется как «есть» – «sein». И если немец представляет себя отвлечённо от реалий действительности, самодостаточно – «я есть» («ich bin»), то русский человек именуется в контексте оценки окружающих – «меня зовут».

В этнокультурной среде имя, как и всякое слово-знак, – это определённый культурный текст, считывание которого открывает не только семиотический смысл (план выражения), но и многовекторную систему бытия носителей данной культуры (план содержания). В имени, как в древнем, так и современном, рассматриваемом нами своеобразным культурным текстом, нет ничего случайного. Семантический образ имени – надёжный инструмент культурного анализа, поскольку отражает глубинные и универсальные закономерности онтологического и аксиологического бытия народа.

Имя, в том числе личное, возникает в момент появления у индивида самосознания и рефлексии над окружающей действительностью. При этом оно выступает как мощный инструмент коммуникации и вхождения в социокультурную среду. Так, по А.Ф. Лосеву, имя – это «арена встречи... познающего и познаваемого. Без... имени человек – вечный узник самого себя, по существу и принципиально анти-социален, необщителен... и неиндивидуален, не сущий... умалишенный человек». Это происходит потому, что «имя есть... жизнь, данная в разуме, разумеваемая природа и жизнь» [4. С. 49, 222].

Имя содержит в себе и сильный информационно-деятельностный компонент, являясь своеобразной формой бытия и транслятором знаний об окружающем мире. При этом оно должно не только отражать жизнь, но и быть воплощением самой реальной действительности, оставлять в ней некий осязаемый след.

Нарекание именем в этнокультуре – это обязательный перенос черт и при-

знаков определённых событий, фактов, явлений. В результате в любом собственном имени находит отражение совокупность представлений и мировидения народа. Одновременно с этим процесс нареkania является попыткой моделирования жизненного пути, или судьбы, отдельного индивида в ценностной картине мира конкретного сообщества. Статус бытия носителя имени должен соответствовать системе устоявшихся в данной социокультурной среде представлений и взглядов. Это означает, что по присущим той или иной культуре именам можно проследить особенности её менталитета и общественно значимых ориентаций. В этой связи можно говорить о том, что имя играет роль знака принадлежности к этносу, а специфичность имени – это своеобразие этнического мышления.

Яркой характеристикой мировидения этноса имена могут выступать у народов, живущих в парадигме мифологического мышления, поскольку само «имя есть энергично выраженная умно-символическая и магическая стихия мифа» [4. С. 163]. В нашем случае это древнерусские и другие восточнославянские имена. В анализе этих имён использовано универсальное средство постижения гендерных смыслов – бинарная оппозиция, которая, согласно Ю.М. Лотману, расширяет возможности анализа различных точек зрения на мир. Можно сказать, что «двоичность восприятия окружающего мира обусловлена уже чисто физиологическими причинами» [5. С. 38].

В Древней Руси, до принятия христианства, имя (в древнерусском языке – рекло, назвище, прозвище, название, прозвание, проименование), как правило, давалось по какому-либо поводу. Оно воспринималось материально, как неотъемлемая часть человека, через которую можно воздействовать на его духовную суть или судьбу. Существовало несколько ситуаций, в которых давалось имя; при этом человек мог иметь два

имени – одно давалось в детстве, другое – во взрослом состоянии.

Детям давались имена:

- внутрисемейные, сразу после рождения (по виду, природным свойствам ребёнка и т.д.);
- числовые (от 1 до 10);
- по цвету волос и кожи;
- другим внешним признакам (росту, особенностям телосложения);
- по характеру и поведению ребёнка;
- связанные с желаемостью или нежелательностью ребёнка и другими обстоятельствами;
- по времени рождения ребёнка;
- свидетельствующие о соседях, с которыми жили русские;
- имена, связанные с животным и растительным миром.

Взрослым давались имена:

- по сходству с животными и растениями;
- прозвища, данные в общественно-бытовой среде (происхождение, общественное положение, внешний вид и характер, другие признаки);
- обозначающие принадлежность к ремёслам.

Также давались имена вне зависимости от прямого смысла и восходящие к древнейшим поверьям так называемые «плохие» имена, которые должны были отвращать злых духов, болезни, смерть. Во всех случаях наблюдался глубокий сакральный смысл, связь с мифологией и раннеславянским тотемизмом.

Таким образом, можно заключить, что имя в древнерусской культуре было полифункциональным, многоуровневым и занимало важнейшее место как в языке, так и в системе общественных отношений. Поэтому древнерусские имена-прозвания имеют огромный интерес, особенно с точки зрения гендерного подхода к языку. Как отмечалось выше, здесь наблюдается чётко прослеживаемая гендерная симметрия, которая может свидетельствовать о гендерной дуплицированности коммуникативной ситуации древних славян, в отличие от

однаправленности на Западе и Востоке.

При сопоставительном анализе мужских и женских древнеславянских имён выделился целый ряд устойчивых пар, как то: *Бажен-Бажена, Богдан-Богдана, Белян-Беляна, Влад-Влада, Владислав-Владислава, Голуб-Голуба, Дан-Дана, Див-Дива, Доброслав-Доброслава, Ждан-Ждана, Зван-Звана, Изяслав-Изяслава, Казимир-Казимира, Краснослав-Краснослава, Любомир-Любомира, Людмил-Людмила, Людомир-Людомира, Мар-Мара, Мил-Мила, Миломир-Миломира, Переяслав-Переяслава, Радомир-Радомира, Светлан-Светлана, Святослав-Святослава, Станислав-Станислава, Ян-Яна, Яр-Яра, Яромир-Яромира* и многие другие. В данных парных вариантах к корневой основе добавляется лишь окончание рода к «женскому» варианту имени. Это даёт основания предполагать, что древними славянами не делались различия по половому признаку в наименовании людей.

Любопытен тот факт, что, например, в тюркских языках при отсутствии категории рода всё равно имеется чёткое противопоставление мужского и женского начал в именах. Мужские имена не могут переходить в женские и наоборот. Тюркские имена должны быть или «мужественными», или «женственными», то есть обязаны содержать гендерно окрашенные коннотации. Только мужские имена могут звучать как Арслан (Тигр), Темир (Железо) и др. И только девочки могут нарекаться именами Чулпан в значении «утренняя звезда», Алсу – «розовая вода», Чаман – «цветущая поляна» и проч. Таким образом, восточный менталитет не допускает гендерного тождества и симметрии. Здесь мужское всегда должно содержать смысл человеческого бытия, женское – нести форму красоты. В отличие от тюркских наречий древнерусский язык интегрирует содержание и форму: *Голуб-Голуба, Див-Дива*.

Более того, в старославянских именах вне зависимости от половой

принадлежности определяется ещё и функциональное равенство. Так, наличие уже приведённых в качестве примеров пар *Любомир-Любомира* в значении «любим/любима миром» и *Людмил-Людмила* в значении «людям мил/мила» (функция инкультурации) говорит о некотором равновесии ценностно-личностного восприятия мужчины и женщины. Об этом же свидетельствуют и имена *Богдан-Богдана*, в которых выражен целый спектр положительных коннотаций, имеющих внегендерный характер: радость от появления долгожданного ребёнка, священный смысл данного события, исполнение желания, благодарность.

Нами были обнаружены и такие парные имена, как *Владимир-Владимира* в значении «владеть миром» (властная функция), а также *Мечеслав-Мечислава* в значении «добывать славу мечом» (воинствующая функция) и некоторые другие. Таким образом, как наглядно видно из подобных примеров, те функции, которые в европейской и восточной культурах традиционно приписывались мужчинам, – властная и военная, в древнеславянских языках гендерно разделены поровну, что свидетельствует об отсутствии в содержательном плане этих языков ярко выраженной половой дихатомичности. Следовательно, в менталитете восточнославянских народов мужчина и женщина могли восприниматься равноценно не только на духовном, но, возможно, и на общественно-политическом уровне. Во всяком случае, лингвистический анализ данного аспекта убедительно доказывает смысловую симметричность мужского и женского в системе имён данных этнических сообществ.

В ряде случаев половая симметрия ещё более усугублена – встречается и абсолютно полное совпадение мужского и женского имени: *Лето-Лето, Буря-Буря, Заря-Заря* и т.д. При этом наблюдается ситуация, когда мужское имя-прозвище образовано от женского имени или существительного женского ро-

да. Помимо вышеозначенных примеров, это *Бова, Балда, Будиволна, Вымена, Гага, Гладила, Губа, Догада, Ива, Калининка, Коврига, Лапа, Лиса, Неугода, Неудача, Репа, Собота, Суторма, Халява, Ходына, Шуба, Щербениха, Щетина* и другие.

Имянаречение как культура «не находится по ту сторону различия между мужчиной и женщиной» (Г. Зиммель [3. С. 319]). Однако в древнерусских именах обозначается только половая принадлежность, а социальные роли не противопоставляются. Это свидетельствует о том, что в Древней Руси индивид независимо от пола культивировался в контексте интересов социальной группы в целом. Личность была самоценна независимо от половой принадлежности.

При анализе древнеславянских имён обнаружился ещё один интересный факт: мужское имя *Людота*, собственно и означающее «мужчина» или «ремесленник», является, по сути, существительным женского рода. Всё это позволяет выдвинуть предположение, что в древних восточнославянских именах присутствует не только гендерная симметрия, но и своеобразный сдвиг в сторону фемининности. В данном случае можно утверждать, что древнерусской культуре был присущ особый уникальный фокус – приближенность к душевному миру человека.

По-видимому, многие явления, позже вошедшие в структуру языка, в том числе и в качестве «прозваний», древние славяне наделяли женскими качествами. Отсюда возникло такое количество существительных женского рода в названиях объектов окружающего мира и природы: буря, гроза, весна, репа и т. д.

* * *

Таким образом, данный эмпирический материал обнаружил, что в древних восточнославянских именах содержится определённое гендерное тождество, которое может напрямую свидетельствовать о двунаправленности культурной коммуникации древних славян. Наличие языковой симметрии и отсутствие ориентации на мужское начало отличает древнерусский язык от других европейских языков, которым свойственны гендерная однонаправленность и андроцентричность. Подобные тенденции были унаследованы и современным русским языком, хотя проявляются менее заметно. Возможно, наблюдающийся сейчас в русской культуре некоторый уход в сторону андроцентризма продиктован влиянием извне. А вопрос о том, чьё это влияние – Востока или Запада – остаётся открытым и требует дальнейшего рассмотрения.

Библиографический список

1. Гендер как интрига познания: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении, истории. М., 2002.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1979.
3. Иконникова С.Н. История культурологических теорий. СПб., 2005.
4. Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
5. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1997.
6. Словарь русских имён. М., 1979.
7. Флоренский П.А. Имена/Опыты: Литературно-философский ежегодник. М.: Советский писатель, 1990. С. 351-412.